

АННА
ДАНИЛОВА

DA

ПАРИЖ НА ЧАС

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Париж на час

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Париж на час / А. В. Данилова — «Эксмо», 2020 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

В квартире, принадлежащей Екатерине Рыжовой, находят труп зверски убитого Михаила Вершинина. Екатерина утверждает, что никогда его не видела, а квартиру сдавала совершенно другому мужчине. У следователя Седова есть все основания сомневаться в ее словах, ведь в какой-то момент Катя случайно роняет фразу о том, что Вершинин был редким подонком. Впрочем, скоро выясняется, что причины убить Вершинина были у многих... Но, помимо поисков убийцы, Седову приходится заниматься личными делами – жена сбежала от него с другим мужчиной, да не куда-нибудь, а в Париж...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Данилова А. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	17
5	19
6	21
7	26
8	30
9	33
10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Данилова

Париж на час

© Текст. А. Дубчак, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

1

Седов

– Вот интересно, что же такого он мог совершить, что его зарезали, как поросенка...

Валерий Седов, следователь следственного комитета, пожал плечами, глядя на то, как подошвы новеньких кроссовок судмедэксперта Алика Гарина, хрупкого брюнета с копной черных кудрей, окрашиваются разлившейся по паркету кровью жертвы – крупного мужчины с яйцеобразной головой с полными щеками, большими ушами и сверкающей во время вспышки фотоаппарата бледной лысиной. Алик не был циником и ко всем жертвам относился с сочувствием, поэтому оброненная им фраза о поросенке не произвела на Седова никакого впечатления. Чего нельзя было сказать о самой жертве – вот она точно впечатлила. Жестокое убийство! Убийца просто исколол его ножом. Четыре удара были нанесены в живот, в разные его места, когда же труп перевернули, оказалось, что еще один удар пришелся в спину, в область правой почки.

– Это могла сделать женщина? – спросил Седов у Гарина.

– Могла, но только в том случае, если она накачана, как мужик, или же, если первый удар был нанесен, скажем, неожиданно и сзади, и это он свалил жертву с ног, а остальные она наносила в порыве ярости, куда придется.

– Понимаю.

Большая трехкомнатная квартира производила впечатление нежилой. Какое-то все было грязноватое, непромытое и унылое. Цветов на подоконниках не было, шторы казались пыльными, ковры – вытертыми, на кухне – какая-то случайная посуда, коричневый изнутри заварочный чайник, пожелтевшая занавеска на окне, а в углу за холодильником с просроченными продуктами (мясными и сырными нарезками, засохшим тортом и кистью вялого винограда) целое войско пустых бутылок из-под пива, вина, водки и шампанского.

В спальне в шкафу Седов нашел несколько новых самых дешевых комплектов постельного белья в целлофане, а в ванной комнате в корзине для грязного белья – ворох использованных простыней и наволочек.

В прикроватной тумбочке – разноцветные пачки презервативов, тюбик с гелем и разные штуки, секс-игрушки, о предназначении которых можно было только догадываться.

В прихожей вдоль плинтусов искрились мелкие зеркальные осколки. Вероятно, на стене когда-то, вернее, совсем еще недавно, висело зеркало. Вот и гвоздь, на котором оно могло висеть. Кто-то подмел, но особо не парился, крупные куски зеркала вынес из дома (в мусорном ведре не нашлось ни одного осколка), стеклянная мелочь застряла в коврик и в углах прихожей. Там же Седов увидел зуб. Неестественно белый резец.

– Посмотри на его зубы, передние...

– Это импланты, все на месте, – отрапортовал Алик, заглянув в рот трупа.

В квартире было много чего интересного, что предстояло изучить, чтобы больше понять как о самой квартире, так и о ее обитателях. Но самым интересным было содержимое мусорного ведра. Эксперт Сережа Сторожев, вывалив на пол дурно пахнущий влажный растрепанный ком мусора, опустился перед ним на корточки и внимательнейшим образом принялся его изучать.

– Ищите орудие убийства, – твердил, как заклинание, Седов, осматривая каждый сантиметр квартиры. – Найдем нож – найдем и убийцу.

– Да нет его нигде... Убийца же не дурак, ясное дело, забрал с собой, чтобы потом выбросить.

– А по мне, так он дурак. Зачем было убивать в квартире? Наш убийца – человек вспыльчивый, злобный, доведенный до крайней точки. А потому, предполагаю, убийство непреднамеренное, он к нему не готовился. Не планировал. Скорее всего, он находился в невменяемом состоянии, а потому, если и понимал, что от ножа нужно избавиться, мог сунуть его в самое глупое место. К примеру, просто выбросить в окно. Или, как это нередко делается, в мусоропровод.

Убитого звали, судя по тем документам, что были найдены в кармане его джинсовой куртки, Михаил Юрьевич Вершинин, 1984 года рождения. Несколько ярко-желтых, канареечного цвета визиток указывали на то, что господин Вершинин был директором мебельной фабрики «Соренто» («Sorento»).

– Может, какой-нибудь клиент, купив его диван, провалился на пол или поцарапал задницу торчащей пружиной? – мрачновато пошутил Сергей, разглядывая визитки.

– Да, поцарапался пружиной и разозлился так, что нашел Вершинина и набросился на него с ножом. Ничего так версия. Сильная.

Спустя время он уже знал, что квартира принадлежит гражданке Екатерине Борисовне Рыжовой, 1988 года рождения. Здесь же, по этому адресу, она была и зарегистрирована.

– Может, и зарегистрирована, да только не проживала она здесь, – сказал Сергей, покончив возиться с мусором и упаковав в пакеты все то, что показалось ему полезным и интересным, что могло бы пролить свет на убийство. – В ванной комнате есть несколько женских вещей, халат, коробка с прокладками, шампунь и прочее. Но всем этим могли пользоваться разные женщины. Это я к тому, что, скорее всего, эту квартиру снимали для свиданий, и вполне вероятно, что снимал ее как раз наш труп... Вершинин.

– Что с замком, Сережа?

– Чисто внешне все выглядит так, как если бы его не взламывали, но точнее я скажу после экспертизы.

– Вот, держи, я собрал несколько осколков зеркала. Обрати внимание на вот этот, он довольно крупный, отлетел за напольную вазу. Видишь, на нем красный след? Это не кровь, сам можешь убедиться. Предполагаю, что это губная помада. Возможно, на зеркале была сделана надпись губной помадой.

Труп гражданина Вершинина обнаружили не соседи (как это чаще всего случается), а разносчик пиццы. Молодой паренек, доставивший пиццу заказчику с этого же этажа, обратил внимание, что дверь соседней квартиры приоткрыта. Может, он и прошел бы мимо, если бы любопытство не взяло верх и он не открыл дверь шире. Вот тогда он и увидел лежащего в луже крови мужчину. Вызвал полицию.

Заказчика пиццы, молодого парня, звали Станислав. Провода от плеера, похоже, вросли в его уши, он, даже разговаривая с полицейским, продолжал слушать какую-то свою ритмичную музыку. На все вопросы, связанные с соседней квартирой, он, пальцами нервно расчесывая свою светлую гриву, отвечал однозначно: нет, не знаю, нет, нет... Ничего не видел, не слышал, незнаком. Он даже не знал в лицо хозяев квартиры!

Седов спросил, он сам-то снимает квартиру или является собственником. Станислав с кислым видом, – мол, отстаньте уже от меня, – сказал, что живет он здесь, на Руставели, с самого рождения, что «родаки» на даче, а он отдыхает от них дома.

Седов подумал, что будь Вершинин убит выстрелом, вот тогда бы Станислав, возможно, и услышал звук. А так – вскрик, стон... Конечно, если он весь в музыке или режется в компьютерную игру, то на самом деле мог ничего и не услышать.

В этой старой, советских времен, многоэтажной постройке из темного кирпича было два входа. С самой улицы Руставели невозможно было войти не замеченным камерой видеонаблюдения, установленной как раз над парковкой автомобилей. Однако с другой стороны

дома, с черного, так сказать, входа, можно было войти незаметно – там камер почему-то не было. Поэтому заниматься этой темой было абсолютно бесполезно. Хотя Алик считал как раз наоборот:

– Если убийство было совершено в состоянии аффекта, как ты и сам не отрицаешь, то вполне возможно, что убийца вошел, как и полагается, с центрального входа в дом, не подозревая о том, что вскоре прирежет Вершинина, а вот выходил, уже по уши в крови, – точно через черный ход.

– Тоже правильно, – как-то сразу согласился с ним Седов.

Никто из его окружения не знал, чем обеспокоен в последнее время Валерий, о чем думает и переживает. Еще не так давно он был абсолютно счастлив со своей женой Сашей и маленькой дочерью Машей, и все было прекрасно. Никаких ссор, конфликтов. Саша была понимающей женой, редко когда упрекала его за долгое отсутствие дома, работу допоздна, ночные вызовы, словом, старалась не трепать ему нервы и, даже наоборот, пыталась сделать так, чтобы дома Валера чувствовал себя спокойно. Окружала его заботой и нежностью.

И вот в какой-то момент с ней что-то произошло. Однажды она сказала ему за ужином, что так больше не может. И что дело не в нем и его работе, а в ней самой. Что она чувствует, как стала деградировать. Что устала сидеть дома с дочкой и заниматься исключительно домашними делами, которым нет конца. Что она уже не может видеть кухню, кастрюли, котлеты и супы. Что хочет вернуться на работу, что ей уже несколько раз звонили потенциальные заказчики, которые хотели, чтобы она, художница по интерьеру, расписала им стены. Что она ночами, когда Валерия не бывает дома, рисует эскизы будущих работ, что она просто задыхается дома, что ей плохо, что ее уже тошнит от быта... Словом, она затронула тему, весьма болезненную для Седова – няня. Не так давно он расследовал одно убийство, где подозреваемой проходила как раз няня одного семейства, и там вскрылись такие вещи, от которых у него, у мужика, просто крышу сносило. К счастью, выяснилось, что хозяйку дома убила не она; но в материалах дела были такие фотографии и видео, где няня издевается над маленьким ребенком, что просто мороз по коже. Седова просто распирало от желания показать их жене, чтобы ей больше никогда в голову не приходило доверить Машеньку постороннему человеку, но он только рассказывал ей обо всем этом в красках. А когда Саша все же завела разговор о няне, пожалел, что в свое время не показал ей этот материал, не желая травмировать: возможно, после этого жена не стала бы поднимать этот вопрос.

Ему, следовательно, часто сталкивавшемуся со злом, с преступниками, конечно, было спокойнее знать, что его жена сидит дома с дочкой. Что в стенах своей квартиры они защищены. Ему казалось, что Саша счастлива в своем материнстве, и совсем не ревновал ее к дочери, как это случалось в других семьях, где муж переживал по поводу того, что жена растворилась в детях и перестала обращать внимание на него, на мужчину. Наоборот, Седов, занятый на работе и много времени проводящий вне дома, постоянно думал о своей семье, и это придавало ему сил, и домой он просто летел, стремился поскорее увидеть Сашу с Машей, обнять их, прижать к себе. Они были смыслом его жизни. И если его знакомые мужчины в разговорах сетовали на то, что их жены, родив, переставали следить за собой, и это ставилось им в вину, а мужьям развязывало руки, и они спокойно позволяли себе ходить налево, то Седову нравилось в своей жене абсолютно все. Да, расплнела, руки не ухожены, волосы иногда растрепаны, да и устает сильно, вечером уже едва добирается до кровати, ну и что? Она – родной ему человек, и он спокойно переживет какие-то временные особенности ее положения, да он вообще не обращает внимания на все те мелочи, которые другие мужчины используют, как козыри, позволяющие им с легкостью предавать своих жен, изменяя им.

Но это он, Седов, принимал все происходящее с Сашей как должное, а вот она сама – нет. Конечно, он понимал ее; до родов она была другая, погруженная в творчество, энергичная, окруженная состоятельными заказчиками и какая-то летящая, переполненная идеями, и

взгляд ее был загадочный, словно она смотрела на Седова из своего, скрытого ото всех мира. С рождением дочери она изменилась, но взгляд ее по-прежнему оставался таким же, и в нем светилось счастье. Сейчас же, когда она, возможно, пресытилась этим своим новым ощущением, ей захотелось большего – вернуться в мир, к людям, захотелось относительной свободы, творчества, признания.

– Саша, ты готова доверить Машу чужому человеку?

– Я постараюсь найти хорошую няню, – уклончиво ответила она, отводя от него взгляд.

Он понимал, что жена не является его собственностью и не принадлежит ему. Ни один человек не может всецело принадлежать другому. Хотя, вот если взять, к примеру, самого Седова, то он хотел бы быть собственностью Саши и принадлежать ей. Или это только слова, за которыми прячется его личная свобода, оправданная его профессией? Что, если его самого запереть в квартире с дочерью, лишив работы и той привычной, пусть и полной опасностей, жизни? Как он бы себя повел? И как долго бы продержался?

Сослаться на нехватку средств он не имел права – Саша до родов успела заработать столько на своих заказах, сколько он не заработал бы и за несколько лет работы в следственном комитете.

Он не имел права запретить ей жить так, как ей хочется, это означало бы, что он запрещает ей быть счастливой.

– Хорошо, ищи хорошую няню, – сказал он с тяжелым сердцем.

...Дело Вершинина обещало быть сложным. Седов это чувствовал. Убийца на самом деле действовал под влиянием сильнейших эмоций. По мнению следователя, смерть Вершинина была связана с чувственной стороной его жизни. Это не деньги, не профессия... Он сделал что-то такое в своей жизни, что разрушило другую жизнь, сделало ее невыносимой.

Ревность. Седов довольно часто сталкивался в своей практике с убийствами на почве ревности. Ревность, как предательство. Убитый изменил женщине, разрушив ее мир. Он предал ее. Она, живя с ним или общаясь, представляла себе его другим, ею же наделенным несуществующими качествами, и была счастлива с ним ровно до тех пор, пока не убедилась собственными глазами (или ушами) в том, что жила со скотом, снимавшим квартиру для своих свиданий со шлюхами. Или же, что еще хуже, с самой близкой подругой или, скажем, сестрой той, что стала сегодня утром убийцей. Возможно, в этой истории вскоре появится и еще один труп – женский.

Седов в очередной раз обошел квартиру. Грязное белье – вот что может стать уликой. И хотя копаться в грязном белье считается неприличным, но только не для следователя, расследующего убийство. На белье убийца, а скорее всего, свидетель, мог оставить свой автограф – ДНК. Вот только с чем его сравнивать? С ДНК самого Вершинина или женщин из его близкого окружения... Сколько же людей ему придется допрашивать, присматриваться к ним, изучать их образ жизни. Кто-то да проговорится о любовницах Вершинина.

В дверях квартиры появился оперативник, рядом с ним Седов увидел молодую женщину. Невысокого роста, с ярко-рыжими растрепанными волосами и темными, какими-то страшными глазами. На ней было надето короткое черное платье с белым воротничком, смахивавшее на форменную одежду.

– Рыжова, хозяйка квартиры, – доложил опер Седову.

2

Катя

Мила. Я поначалу и не поняла, что дело пахнет жареным. Ну, пришел следователь, начал задавать какие-то вопросы о Кате, ну, я так поняла, как о хозяйке той самой квартиры, где произошло убийство. А что я-то, ее соседка, могла о ней рассказать? Да ничего. Все-таки мы подруги, а потому я на всякий случай решила держать язык за зубами. Особенно тогда, когда он заинтересовался ею как личностью, что ли. Спрашивается, какая ему разница, какая она личность, если она проходит по делу просто как хозяйка квартиры? Ну да, в квартире полно ее следов. А как же иначе-то? Я знаю, что Катя время от времени приходила туда, причем в отсутствие жильцов, чтобы проверить, как там да что. Ключи-то запасные у нее были.

К тому же у нее и право такое было, войти туда, она заранее предупреждала всех своих жильцов, что в кладовке хранятся ее личные вещи. Конечно, ничего важного у нее там не было, это она нарочно так говорила, чтобы, в случае если она войдет в квартиру и в этот момент вернутся жильцы, она спокойно могла бы там себя чувствовать, мол, зашла за какой-то вещью, книгой там...

С одной стороны, я понимаю ее. Все-таки ее квартира, и она должна знать, какие люди там живут, что делают. С другой, конечно же, ей было просто любопытно подсмотреть чужую жизнь, своей-то, как таковой, у нее никогда не было. Она вообще неблагополучная, но об этом, по большому счету, знаю только я. Хотя у нее есть еще одна подруга, Аля, они вместе работают в парфюмерном магазине. Ох, вы бы видели, какие они там, в этом магазине! Расписанные, как куклы, не лица – маски, напудренные, покрашенные! А что им не краситься, когда в их распоряжении полно тестеров, можно самой лучшей косметикой бесплатно пользоваться и обливаться дорогими духами. Да и форма у них красивая, такое платьице черное маленькое в стиле Шанель, с белым воротничком, и туфельки на шпильках. Да любую одень так и покрась, будет красавицей смотреться. Вот и Катя моя тоже, посмотришь на нее и подумаешь, что все-то у нее хорошо, что вся такая благополучная, ухоженная, при деньгах. А на самом деле – несчастная она очень. Я всегда жалела ее.

А познакомились мы с ней по-настоящему очень странно. Так не бывает. Ну, представьте себе московское метро. Вот сколько там людей ездит, да? И вот однажды сижу я себе в метро, читаю «Девушку в поезде», вы читали? Нет? Почитайте. Страшная вещица. Не для слабонервных. Так вот, уткнулась в свой планшет, читаю, ехать еще долго. Я от сестры возвращалась, помогала ей с детьми. Народу в вагоне было мало, и я никого не разглядывала. И вот мой взгляд случайно скользнул по сидящей напротив меня девушке. Меня зацепили ее ноги. Было холодно, на мне-то были шерстяные колготки, и вообще погода была мерзкая, дождь со снегом, уже поздняя осень, кажется, ноябрь. А девушка была с голыми ногами! И там, где выше колен, ну, бедра, в синяках и кровоподтеках. Думаю, все, кто тогда находился в вагоне рядом с ней, пялились на эти синяки и все понимали. Ужасались. Одежда на ней была вроде бы нормальная, на бомжиху не похожа, правда, юбка коротковата, хотя, если разобраться, она же молодая еще, ей недавно тридцатник стукнул, да и ноги красивые, так что может себе позволить и такую длину. Ну, ясно же, что с ней делали перед тем, как спустили в метро. Почему «спустили», а не «спустилась»? Да потому, что она так выглядела, как будто бы из нее всю душу вынули, а заодно и все силы. И голова моталась на шее, словно она не могла ее держать. Глаза с черными потеками туши – потухшие, мертвые, и полуприкрыты. Я даже и не могу сказать, что поначалу испытала к ней, но чувство жалости пришло позже, когда я попыталась представить себе, что же с ней было, что ей пришлось вытерпеть. Честно скажу, подумала, что она опустившаяся бл...дища, которой уже все до лампочки. Ну и к пьяницам ее причислила. А что можно испы-

тивать к таким особам? Чувство презрения, и это в лучшем случае. Еще предположила, что она вообще давно уже катается по кругу на метро, не соображая, куда и зачем едет.

Волосы ее были огненного цвета, но грязные, какие-то сальные, спутанные. И я почему-то сразу вспомнила свою соседку по лестничной клетке, Катю, с которой мы просто здоровались. Я недавно переехала в этот дом, мало кого знала. Но не трудно же сказать «доброе утро» соседке. С соседями вообще нужно дружить. Иногда они становятся куда ближе кровных родственников. Но случая как-то не представлялось. Так вот, у нее тоже были такого же цвета волосы. Да только ухоженные, блестящие, волосок к волоску. Представляю, сколько времени у нее по утрам уходит на укладку феном.

И тут я, разглядывая украдкой эту мадам, вдруг поняла, что она как-то уж очень сильно смахивает на эту мою соседку. Быть может, я бы так и не решилась к ней подойти, если бы вагон как-то неожиданно не опустел, словно все москвичи передумали в него садиться. Или время уже было позднее, и все уже вернулись с работы. Словом, когда в вагоне остались всего три подростка, о чем-то оживленно спорящих в дальнем углу, которым уж точно не было никакого дела до этой рыжей (а потому я не рисковала быть осужденной посторонними за то, что заговорила с ней), я встала, присела рядом и, не глядя на нее, тихо спросила:

– Вы – Катя?

Вместо ответа она застонала, как-то моментально сдвинув расслабленные до этого бедра, сомкнула их и принялась одергивать юбку.

– Добрый вечер, – проговорила она, разлепив губы.

В это время вагон как раз прибывал на нашу станцию, женщина с трудом поднялась и, придерживаясь за живот, направилась к дверям. Только тогда я обратила внимание на то, что у нее нет при себе ни сумки, ни пакета, ничего! Темная куртка, синяя юбка, голые ноги и черные кожаные сапоги на каблуках.

Да, это точно была она. Когда мы вышли на перрон, где я смогла ее рассмотреть получше, сомнений уже не оставалось.

Я решительно подхватила ее под руку, и мы отправились к эскалатору.

– Я помогу вам...

Вот так мы с ней и познакомились по-настоящему. Я привела ее к себе домой и даже позволила пройти обутой в кухню. Ничего, подумала я, потом полы подотру.

– Катя, что с вами случилось? Может, вызвать полицию?

Она подняла голову, посмотрела на меня и сразу же заплакала, словно, оказавшись в безопасности и осознав это, позволила себе выразить свои чувства. Слезы покатались по ее щекам.

– Нет-нет, я не стану заявлять.

Я не стала ее ни о чем спрашивать, ясно же было, что ее изнасиловали. Иначе откуда эти голые ноги в холод и синяки на ляжках. Я наполнила ванну горячей водой и сначала подумала, что она постесняется при мне раздеваться, но потом поняла, что она нуждается в моей помощи. Словом, я раздела ее в ванной комнате, с ужасом отмечая какие-то жуткие пятна на ее несвежем белье (стоимость которого я профессиональным взглядом продавца торгового центра оценила довольно-таки высоко!), посиневшую ссадину на пояснице и множество других следов на теле, и помогла забраться в ванну.

Потом сама лично намыливала губку и осторожно, покрываясь сама мурашками от чужой боли, проводила ею по телу Кати. Она была очень слаба.

– Уж не знаю, что там с вами случилось, – в какой-то момент меня все-таки прорвало, – но надо было бы сначала все-таки поехать в больницу, снять побои, сдать анализы... Надо наказать этого гада!

– Га-дов, – уточнила она, горько усмехаясь. – Их было трое. Хотя я приехала на свидание с одним. Познакомилась на сайте. Он привез меня домой, за город, а потом приехали его друзья.

– Ты имя-то его хотя бы запомнила? Фамилию?

– Только имя. Михаил. Но я заявлять не буду, они же потом меня убьют. Они на все способны, эти богачи, чтобы только не сесть в тюрьму. Кто же не побеспокоится о своем будущем? И вообще, я сама во всем виновата. Столько уже разных шоу посмотрела на эту тему, столько сериалов, сами знаете. Но всегда же кажется, что со мной этого случиться не может. Мне бы как-нибудь забыть все это и жить дальше – вот что сейчас самое главное.

– Забудешь, обязательно забудешь, – уверенно сказала я, потому что и сама тоже прожила какую-то жизнь, и в ней тоже было немало боли и разочарований. Правда, от такой трагедии, что пришлось пережить Кате, меня бог уберег. – Ты мне только покажи на сайте этого Михаила, чтобы я сама не вляпалась...

Почему-то от этих слов Катя поморщилась, как от боли. И отмахнулась от меня. Ладно, решила я, сама потом все расскажешь, как успокоишься.

Вот тогда-то и всплыло это имя – Михаил. Убитого, кажется, тоже так звали. Что ж, собаке – собачья смерть.

3

Седов

Жену он застал за работой, она разложила на обеденном столе эскизы, карандаши, гуашь. Лицо ее, едва он вошел, осветила улыбка. Она была счастлива, а это значит, что был счастлив и он.

– Привет, дорогая! – Он поторопился обнять ее, словно боясь, что ее хорошее настроение инерционно хорошее от красиво нарисованных лимонов и каких-то узоров, а не от него самого.

– Валера, привет! – Нет, эта улыбка все же была обращена к нему. – Ты сегодня так рано. А у меня еще ничего не приготовлено. Зато Манечка спит. Разоспалась что-то. Так что я мигом приготовлю салат, пюре...

– Мне так нравится, когда ты улыбаешься, – сказал Седов. – Пюре! Отлично. Хочешь, я тебе помогу?

Все в этот вечер было, как в первые месяцы их совместной жизни – нежно, ласково, мило. Как бы ему хотелось, чтобы так и было всегда!

– Ну что, ты нашла няню?

– Ищу! – бодро ответила она, сгребая все рисунки со стола. – Я так рада, что ты согласился на няню. Вот увидишь, все будет замечательно!

И она, чуть ли не пританцовывая, отправилась на кухню – чистить картошку.

За ужином за столом их было уже трое – Манечку, розовощекую малышку, посадили на свой высокий стульчик, пододвинули ей тарелку с кашей. Она весело била ложкой по каше и хохотала, показывая мелкие зубки.

– Какое счастье, что дети долгое время ничего не понимают из разговоров взрослых, – сказала Саша, слушая рассказ мужа об убийстве Вершинина. Она уже успела привыкнуть к подобным разговорам и вполне нормально к ним относилась. Возможно, это ее спокойное восприятие было связано с тем, что все те уголовные дела, которыми занимался Валерий, представлялись ей как нечто абстрактное, не совсем реальное и происходящее в каком-то другом, взрослом, мужском полицейском мире и очень далеко от нее.

– Да уж... – ухмыльнулся Седов, с аппетитом поедая пюре. – Конечно, надо дожидаться результатов вскрытия и других экспертиз, но я уже и сейчас могу сказать, вернее, предположить, что это убийство связано, скорее всего, с ревностью.

– Потому что квартира съемная, Вершинин в ней не жил и держал ее для свиданий? Думаешь, его убила жена? Вот так, ножом... несколько раз?

– Вполне может быть.

– Странно это как-то...

– Что – странно?

– Что ты, рассказывая мне об этом, постоянно твердишь о ревности, о чувствах... Это потому, что такие странные удары?

– Ну согласишься, что действовал не профессионал, так? Так. Удары наносились хаотично, куда придется, словно в отчаянии и со злостью. Однако первый удар, возможно, был решающим, он-то и свалил Вершинина с ног. Да и удар тоже случайный, в область почки. Сама подумай, если бы его пришли убивать за какой-то проступок, грубо говоря, за то, что он перешел кому-то дорогу, кому-то насолил, то могли бы подкараулить его где-нибудь на улице, выманить из квартиры и пристрелить. Но его убили в съемной квартире, где он проводил время с любовницей или любовницами, где повсюду следы женщин. Да еще это разбитое зеркало!

– Знаешь, что мне пришло с голову... Маня! Прекрати! – Саша зажмурилась, так как ошметок густой каши залепил ей глаз. Она взяла салфетку и вытерла. – Конечно, зеркало могло упасть само, такое бывает, ты проверь гвоздь.

– Гвоздь сидит в стене крепко, мы проверяли.

– Получается, что его разбили. И что-то подсказывает мне, что его разбила женщина. В сердцах! Ну, типа, в него, гад такой, смотрелось такое количество твоих любовниц...

– Вот видишь, и ты думаешь о ревности, о том, что там, на месте преступления, разыгралась настоящая драма, сцена, и что женщина была разъярена, что она была в таком состоянии, что ничего уже не соображала. Ну, думаю, ты поняла. Да, кстати, на зеркале было что-то написано губной помадой.

– Что и требовалось доказать! Возможно, там одна из его любовниц написала свой номер телефона, к примеру. Какой цвет у помады?

– Ярko-красный.

– Неплохо было бы выяснить, что это за помада, какой состав, я имею в виду, дешевая или дорогая. Ну и сравнить ее с помадой, которой пользуется жена этого самого Вершинина. Кстати, а где она? Ты уже видел ее? Ей сообщили о смерти мужа? – Она по обыкновению активно входила в тему.

– Она, по словам соседей, за городом. Кстати говоря, коллега твоя, художница.

– Бедняжка... Теперь вдова. Или вдова-убийца.

– Ладно, не будем пока торопиться с выводами. Спасибо тебе, дорогая, за ужин. Все было очень вкусно!

После ужина Седов по обыкновению прилег в гостиной на диване, включил телевизор. Саша принесла ему умытую дочку, устроила рядом с ним и вернулась на кухню мыть посуду.

У нее на самом деле было отличное настроение. Утренний звонок и последовавшая за ним встреча с заказчиком, хозяином большого загородного дома, который хотел заказать ей роспись стен, – все это не могло не радовать. Некоторые художники-дизайнеры охотятся за такими вот клиентами, ей же он, что называется, упал с неба. Доверительный разговор с одной дамой на детской площадке – и вот, пожалуйста, ее сын согласился оформить свой дом росписью. Завтра утром она должна прибыть на место, осмотреть дом, предложить свой предварительный вариант оформления. Пока она не увидит хозяина, не поговорит с ним и не поймет, что он за человек и какой у него вкус, пока не осмотрит дом – трудно определиться со стилем оформления. Но на всякий случай она привезет ему эскизы в стиле «ботаника», а заодно покажет альбомы с фотографиями своих прежних работ, которые она выполняла в других домах.

Даму звали Ольга Дмитриевна, очень приятная женщина, бабушка симпатичного белокурого мальчика Даника. Пока Маня с Даней играли в песочнике на детской площадке, женщины разговорились, и Саша, воспользовавшись возможностью выговориться, призналась совершенно посторонней женщине в том, как она страдает без своей любимой работы, как тяготит ее быт.

– Вы понимаете, Ольга Дмитриевна, ведь то время, что я трачу на уборку или готовку, не говоря уже о других своих хозяйственных обязанностях, я могла бы тратить на что-то другое, полезное для людей, заняться творчеством, без которого я просто задыхаюсь! Ведь когда Манечка спит, я постоянно что-то делаю по дому, потому что конца домашним делам нет, сами знаете. И, что самое обидное – деньги-то у меня есть, чтобы нанять няню или домработницу, но где найти слова, чтобы убедить моего мужа в том, что мне легче заплатить за весь этот домашний труд, чем круглые сутки носиться по квартире с тряпкой в руке?! К тому же мое творчество хорошо оплачивается!

Ольга Дмитриевна была нарядно одета в светлый хлопковый костюм и удобные светлые лодочки. Высокая, стройная брюнетка с красиво уложенным каре. Синие глаза, чудесная улыбка. В ней чувствовалась порода, и это сразу расположило Сашу к этой женщине. Воз-

можно, и разговор-то этот серьезный состоялся именно потому, что на соседней скамейке появилась Ольга Дмитриевна. Будь на ее месте одна из многочисленных мамочек, с которыми Саша каждый день встречалась на детской площадке, она ни за что не стала бы заговаривать о наболевшем. Всех вполне устраивала их жизнь, и многие бы просто не поняли ее стремления работать, когда есть возможность просто заниматься ребенком и домом.

— А чем вы занимаетесь, Сашенька?

Ей было под шестьдесят, возраст чувствовался в ее манере разговаривать и держаться, но не во внешности. Кожа ее была довольно свежа, да и морщин было не так много. Конечно, она не бедствовала, об этом свидетельствовали сверкающие брильянты в ушах, да и автомобиль, на котором она потом увезла внука домой, также указывал на то, что она живет в достатке и ни в чем не нуждается. Вполне возможно, что она прибегала к пластической хирургии, подтянула себе лицо, омолодилась. Ну и что ж? Это ее дело. Главное, что выглядела она ухоженной, даже холеной, и уж точно не на свой возраст.

Саша, разговаривавшись с ней, разоткровенничавшись, только потом поняла, что все время, что они находились вместе на скамейке, говорили только о ней, о Саше. Как-то невежливо получилось, эгоистично. Она даже не успела спросить, чем занималась до пенсии сама Ольга Дмитриевна.

Поверила ли Саша в обещание новой знакомой поговорить об оформлении загородного дома со своим сыном? Нет. Вернее, поговорить-то она может, конечно, тем более что Саша прямо там же, не откладывая, отправила ей с телефона свое портфолио с работами, которые должны были произвести на нее хорошее впечатление. Поговорит, да только дальше разговора дело может и не пойти. Далеко не всякий владелец загородного дома желает, чтобы стены его дома были расписаны. У каждого свои предпочтения и вкус.

И вдруг этот утренний звонок. Мужчина представился сыном Ольги Дмитриевны, сказал, что готов поговорить с Сашей и даже показать свой дом, чтобы она сама уже решила, уместно ли будет его оформлять росписью. Больше того, он сам предложил заехать за ней домой.

Все складывалось настолько гладко, что Саша восприняла это как хороший знак. Значит, она делает все правильно. И все ее мысли постепенно станут реальны, материальны (в Интернете было полно блогов как раз о материальности мыслей и желаний, только плати блогерам деньги и станешь счастливой).

Хозяина, сына Ольги Дмитриевны, звали Игорь. Очень занятой человек, бизнесмен, он, может, и обладал каким-то вкусом, но дом его об этом молчал. Снаружи похожий на небольшой дворец с башенками, внутри – огромная белая коробка с множеством пустых, с белыми стенами, комнат, мраморной лестницей, светлой плиткой. Дом представлялся Саше белым, чистым листом бумаги или холстом, который ждал, когда же им, наконец, займутся и вдохнут в него жизнь, краски. Только войдя в этот новый дом, практически нежилой, где обитали сама Ольга Дмитриевна и Игорь, она не ощутила ни одного запаха – даже чай с лимоном, которым Игорь угостил ее, словно не спешил отдать свой аромат.

Находясь под впечатлением от возможности получить такой серьезный заказ, Саша даже не сразу и сообразила поначалу, кто с кем живет. И только уже на обратном пути в город, в машине, Игорь, сорокалетний красивый brunet с темными глазами и бледной кожей, рассказал, что построил этот дом недавно, для своей семьи – матери и сестры. Однако мама большую часть времени проводит все-таки в городе, с Леной – нянчит внука. О том, женат ли он сам, Игорь, конечно, ничего не сказал, словно Саша сама должна была догадаться, что он холост. Или разведен, или вдовец. Во всяком случае, в доме она не увидела ни одного предмета, который свидетельствовал бы о том, что там проживает молодая женщина. И опять – это отсутствие запаха обитаемого жилища. В доме пахло еще свежей краской, штукатуркой, свежей доской и моющими средствами. Хотя Игорь вполне мог обитать с женой и детьми в московской квартире...

Они договорились о том, что Саша завтра приедет в дом еще раз (ей доверили ключи) и уже спокойно осмотрит его, прикинет, что там можно будет сделать, пофотографирует комнаты, чтобы в дальнейшем подготовить эскизы будущей росписи. И если Игорю и Ольге Дмитриевне понравится ее проект, они, сделав заказ на роспись, поручат ей к тому же еще найти хорошего ландшафтного дизайнера, который, опираясь на стиль дома, займется благоустройством сада. Словом, все складывалось самым благоприятным образом. Главным теперь для Саши было добиться того, чтобы муж понял ее, смирился с надвигающимися переменами в их семейной жизни. Ведь если она возьмется за проект, то ее подолгу не будет в доме, и воспитанием маленькой дочери займется няня. Причем няня, которую ей только еще предстояло найти.

И хотя няни еще и в помине не было, Саша чувствовала себя счастливой. И, складывая тарелки в посудомоечную машину, она улыбалась.

4

Лариса

Ее лицо сначала побледнело, затем пошло красными пятнами, при этом она продолжала смотреть на Седова во все глаза, словно в ожидании каких-то подробностей, продолжения. Он так и не понял, дошло до нее, что ее мужа убили, или нет.

Жену Вершинина звали Лариса. Это была миловидная, хрупкая шатенка лет двадцати пяти. Дверь она открыла ему в шелковой, шоколадного цвета пижаме. Высокая, стройная, холерная.

Его так и подмывало спросить ее, почему она так легко открывает дверь постороннему, ведь, даже заглянув в глазок, она увидела лишь мужчину с какой-то там «корочкой» в руке. И не факт, что человек, представившийся следователем, является таковым. Но, конечно, он ни о чем таком ее не спрашивал. Он принес в дом скорбную весть, и сейчас она заполонит собой всю жизнь этой молодой красивой женщины.

Ему показалось или нет, что она, даже услышав от него о смерти мужа, машинально подула на свои свеженакрашенные ногти? Нет, не показалось, его звонок на самом деле прервал этот важный маникюрный процесс – в квартире все еще крепко пахло ацетоном.

– Я пройду?

– Да... – очнувшись она и снова подула на свои розовые перламутровые ноготки. – Проходите, пожалуйста. Кофе? Чай? Есть еще компот из груш, я сама варила.

Нет, она, похоже, ничего пока не соображает. Действует и говорит машинально, произнося дежурные фразы. Зачем-то про компот вспомнила. Другая бы на ее месте в обморок упала или сползла бы по стеночке, на грани истерики.

– Компот из груш, – зачем-то сказал он.

Они расположились в гостиной в мягких креслах напротив друг друга.

– Лариса, вы поняли, что я вам сейчас сказал?

– Да-да, – нервным фальцетом выстрелила она, и он увидел, как ее тонкие пальцы впились в мякоть белых пухлых подлокотников. – Вы сказали, что Мишу убили. И как его убили? Застрелили, что ли?

Она бросила на него какой-то странный, почти недоверчивый взгляд, словно все еще сомневаясь в том, что ей сказали правду.

– Нет, ему нанесли несколько ударов ножом.

– Какой ужас... И что с машиной? Он недавно купил машину, там сиденья кожаные, кремовые... Думаю, теперь не отмыть, – как-то слишком уж серьезно произнесла она.

– С чего вы взяли, что его убили в машине?

– Я? Я не знаю... – быстро ответила она. – Просто представила себе... Он же отправился на работу на машине, вот я и подумала...

Вот теперь ему предстоит озвучить адрес, где был найден труп ее мужа.

– Руставели? Да?! – Брови ее тонкие, изогнутые, взлетели вверх. – Там? Ну надо же! Как неожиданно... И что же он там делал?

– Вам знаком этот адрес? – Он повторил номер дома и квартиры.

– Да нет... Не знаю... – И вот тут она густо покраснела. И было от чего. Просматривая записи видеокамер, установленных на стене дома со стороны парадного подъезда, сделанные в течение последней недели, Седов увидел женщину, удивительным образом похожую на Ларису. Сначала, когда помощник принес ему флешку с записями, он хотел отложить просмотр на потом, поскольку первым делом надо было навестить вдову Вершинина. Однако какое-то внут-

ренное чувство подтолкнуло его к тому, чтобы воспользоваться флешкой без промедления. Он именно просматривал ее, а не изучал. И просматривал мельком.

Кого он надеялся там увидеть? И самого Вершинина, и всех тех, кто входил в дом с утра и до предполагаемого момента убийства. Среди них вполне мог быть убийца. Но в основном, конечно, в утренние часы дом покидали – жильцы отправлялись на работу. В 10.48 в подъезд вошел сам Михаил Вершинин, в 11.52 женщина преклонного возраста в сумкой-тележкой и в 11.58 – дама, приехавшая на красно-белом «Ситроене». Валерий Седов решил заглянуть в папку с видеозаписями предыдущего дня. Тогда-то и заметил женщину, похожую, как сейчас выяснилось, на Ларису Вершинину. Хотя он мог и ошибиться. Надо бы еще раз взглянуть, увеличить кадр...

– Лариса, я понимаю ваше состояние, но мне надо задать вам несколько вопросов.

– Задавайте, – она вся подобралась, напряглась и теперь смотрела на него с болью во взгляде.

– Вы не знаете, кто и за что мог убить вашего мужа?

– Нет. Понимаете... Миша... Не могу сказать, что он был человеком простым... Я бы даже сказала, что он был конфликтным и сложным. Но, говоря об этом, я имею в виду его профессиональную деятельность. Он был строг на работе, понимаете? Со своим персоналом. Мог наорать на человека, который сорвал поставку мебели... Тщательно подбирал себе персонал... Ох, я не знаю, что говорю... Словом, не представляю себе, кто и за что мог желать ему смерти и тем более убить.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Говорю же – утром, когда провожала его на работу.

Седов задавал простые, можно даже сказать, дежурные вопросы, какие и задают в подобных случаях, но ничего интересного для себя не узнал. Михаил Вершинин помимо того, что изготавливал на своей фабрике дешевую мебель, закупал еще и итальянскую, продавал ее, зарабатывая на этом неплохие деньги, и практически целыми днями пропадал на работе. У супругов не было детей, но, если верить Ларисе, никто из них особо не переживал по этому поводу. Ни Ларисе, ни Михаилу дети не были нужны. Они жили для себя, и, возможно, каждый жил вообще своей жизнью. Доказательством того, что между супругами не было даже привязанности, не говоря уже о любви, было отсутствие нормальной реакции Ларисы на смерть мужа. Ну, убили и убили, что ж, грустновато, конечно. Первое, что ей пришло в голову – кровь в новой машине, которую будет трудно отмыть. С таким Валерий сталкивался впервые. И с чего она взяла, что его застрелили, да еще и в машине? А может, она сказала так нарочно, потому что отлично знала, где и как был убит супруг? Хотя нет, про кровь в машине она сказала, находясь в шоке, все еще не осознав масштаба трагедии.

– Где вы были сегодня между одиннадцатью и двенадцатью часами?

– Дома. Можете проверить записи камер наблюдения – я вышла утром вынести мусор и больше не выходила. А вы что, меня подозреваете?

– Вы готовы опознать тело вашего мужа?

Да, она была вполне готова. Сказала, что ей нужно только переодеться. Она вышла к нему во всем черном, элегантном. Стояла в дверном проеме, покачиваясь на тонких каблуках, и смотрела на него как-то странно, словно ждала от него каких-то действий. Мысль, что она пыталась соблазнить его, Седов настойчиво гнал от себя.

Уходя, он незаметно прихватил с полки в прихожей женскую щетку для волос, сунул в карман. Конечно, он мог сделать это официально, для проведения экспертизы, чтобы выяснить, была ли в квартире Рыжовой Лариса. Но на это ушла бы уйма времени, а ему просто не терпелось узнать правду.

Одно он знал точно: женский передний зуб-резец, найденный на полу в квартире, вряд ли принадлежал Вершининой – она всю дорогу демонстрировала ему свои ровные белые зубки.

5

Иван. Вера

Я очень хорошо помню тот день. Она, эта стерва, позвонила ему. И он сразу же вышел из кухни. Почти выбежал. Я жарила рыбу, а Ваня сидел с ноутбуком на кухне и что-то там печатал, какой-то договор. Он вообще часто приносит работу домой, любит заниматься с ноутбуком за кухонным столом, в самом углу на мягком диванчике, как будто бы в квартире нет места получше.

Он говорит, что нет никакого смысла сидеть в офисе, когда можно подготовить все документы дома, тем более что директор не против. Да почти все в их конторе работают на дому и встречаются, лишь когда нужно действительно что-то обсудить, какие-то поставки, деловые встречи, командировки. Они торгуют промышленным оборудованием, редким и очень дорогим. Офис маленький, руководство на всем экономит. Но это вообще не важно.

Говорю же, я помню этот день, даже запах рыбы запомнила, он у меня теперь плотно ассоциируется с образом тюрьмы. Скотина, стерва! Прилипла к Ване намертво. Не знаю, что она вообще в нем нашла. Он некрасивый, какой-то невзрачный, невысокий, полноватый, да и говорит тихо, хотя в то же самое время с важностью, словно все должны к нему прислушиваться. Думаю, это все комплексы.

Короче, раздался звонок, мой Ваня встрепенулся, захлопнул свой ноутбук, словно боялся, что я прочту его договор (как будто бы я в этом что-то понимаю!), и выбежал из кухни. Я слышала, как он говорит с ней тихо, шепчет. И шепот этот какой-то тревожный, нехороший. Я прямо кожей почувствовала беду и порывалась уже распахнуть дверь и крикнуть ему, что я все знаю, что их уже многие видели вместе, но сдержалась. Ну и что дальше, сразу же спросила я себя. Предположим, я скажу, что знаю о его связи с этой Лариской, этой шлюхой, и что он мне ответит? Что, если он не станет ничего отрицать и скажет (как это зачастую происходит в кино, в тех самых мелодрамах, где часто проигрываются подобные ситуации), что, мол, я давно собирался тебе рассказать, Вера, да все не мог решиться, но вот теперь ты сама, наконец, все знаешь, а потому, типа, давай разведемся по-быстрому, и все! А вот развод-то мне как раз и не был нужен. Мне незачем разрушать нашу семью. У нас сын-подросток, которому нужен отец. Да и зарабатывает Ваня прилично, ни в чем мне не отказывает. Разве мои амбиции стоят того, чтобы лишиться всего этого, я имею в виду безбедного существования, и стать, как прежде, гордой нищеводкой, какой я была, скажем, когда жила еще со своими родителями? Нет-нет, я лучше потерплю. Тем более что мы давно уже спим с ним в разных комнатах, вернее, мы только пару месяцев нашей супружеской жизни и спали вместе. Как только я забеременела, так сразу же прогнала Ваню в проходную комнату. Потом родился Илья...

Это сейчас у нас большая квартира, и у каждого по своей комнате... Да и вообще все это не важно. Меня эта сторона семейной жизни вообще никогда не интересовала. Моя подруга Тая, с которой я всегда всем делюсь, считает меня фригидной женщиной. Думаю, она права. Возможно, я этой своей фригидностью сделала несчастным своего мужа...

Кажется, я отвлеклась. Так вот, она позвонила ему, что-то сказала, и он вернулся на кухню бледный. Я сразу поняла, что что-то стряслось, что кто-то умер. Ну или произошло что-то непоправимое, понимаете? Непоправимое, это когда уже ничего нельзя сделать, поправить. Вот такое у него было лицо. Я спросила его, конечно, что случилось и кто звонил. Было бы неправильно промолчать. К тому же любопытно было. Ваня ответил, что его друг умер.

Не скажу, что знаю всех его друзей, но тех, с кем он играет по выходным в преферанс, знаю. Все молодые, крепкие мужчины. Холеные такие. Ненавижу! Сидят себе, попивают коньячок, закусывают лимончиком. Вот уверена, что у каждого из них есть любовницы, что все они

ведут двойную, а то и тройную жизнь, развлекаются, как хотят, пока жены воспитывают их детей и стирают им рубашки. Нет, я понимаю, конечно, что дело не в рубашках и не в тарелке супа, что все это глупости. Тут в другом дело.

У большинства нас, женщин, все-таки чувство ответственности развито больше, чем у мужиков. Все-таки у нас дети, и мы, так уж заложено в нас самой природой, несем за них ответственность. Это мужчина может прийти домой под утро, и от него будет нести алкоголем и женскими духами, а женщина – она же должна накормить детей, уложить их спать, прибраться и выспаться перед новым рабочим днем...

– Убили его, – вдруг сказал он, возможно, неосознанно желая поделиться со мной, причем поделиться не только своей бедой, но и собственным удивлением, мол, представляешь – убили! Убийство – это же криминал, такое случается нечасто и заставляет задумываться окружающих: за что? Когда человек умирает от болезни, все вокруг него тоже, конечно, задумываются, мол, вот, проглядел человек, вовремя не обратился к врачу. Но это все размышления, своеобразная примерка ситуации на свою жизнь, на свое здоровье. А вот убийство...

– Я знаю его?

– Нет, – замахал Ваня руками, – нет, не знаешь. Так, один знакомый.

– И как же его убили и, главное, за что?

– Зарезали... Да кто ж знает, за что... Но все равно страшно... Вот жил человек, и вдруг его нет.

– На улице напали, пырнули ножом?

Я иногда задаю такие вопросы, от которых сама же и прихожу в ужас. Словно вылетающие из моего рта слова не проходят через мозг. Вот с чего я, к примеру, взяла, что его пырнули ножом на улице? Думаю, сработали время от времени возникающие в моей голове картинки из сериалов. А что, да, я смотрю сериалы и нисколько не стесняюсь этого. Это Ваня путь стесняется того, чем он занимается с этой шлюхой Лариской, а сериалы – что в них плохого?

И тут вдруг Ваня подошел ко мне и заглянул мне в глаза. Он долго так смотрел, и я испугалась еще больше.

– Ты чего? Ваня?! – меня тогда просто мороз по коже пробрал.

– Это Вершинина убили.

Он сказал это так, словно это должно было произвести на меня впечатление. Но я не знала на тот момент никакого Вершинина.

– Мужа Ларисы убили, – Ваня тогда своей откровенностью и желанием взвалить на меня свой страх все равно что зарезал и меня. Он признался мне в том, что убили мужа его любовницы, признался, как близкому человеку. Как если бы я была его сестрой, к примеру. И чего он тогда ждал от меня? Сочувствия? Я тогда не сразу, конечно, поняла, чего он испугался и как далеко (он же шахматист!) ушли его мысли. Подумала, что я должна пожалеть его любовницу. Кажется, я тогда выругалась матом. Резко так, жестко.

– Дура, они же сразу подумают на меня! Что это я его убил!

– А это ты его убил? – снова сказал мой рот.

– Вера, – он взял меня за плечи, и я почувствовала, как сильно его пальцы впились в меня, он явно хотел причинить мне боль. – Ты чего несешь-то? Я никого не убивал! Ты слышишь, дура?! Я никого не убивал! Я вообще был дома!

И тут я вдруг поняла, чего он по-настоящему испугался. Ведь он в тот момент оказался в моей власти! Я могла уничтожить его, избавиться от него! Отомстить ему, наконец, за все те унижения, которым он подвергал меня последние годы, изменяя мне.

– Ну, не убивал и не убивал, – сказала я, чувствуя, как мой рот злорадно улыбается. Думаю, что в тот момент он как раз действовал в полном согласии с моей головой.

6

Седов

На улице потемнело, Седов машинально включил лампу. Большая, с блестящим, изумрудного цвета продолговатым плафоном, она как ни старалась, не могла добавить уюта в казенную холодноватую обстановку кабинета следователя следственного комитета.

Дело только открыто, а документов уже целая папка, и это самое начало! Можно себе представить, что будет дальше. Опросы свидетелей, результаты экспертиз, протоколы допросов...

Первым человеком, с которым Седову удалось побеседовать о жертве, была его жена, точнее – теперь уже вдова, Лариса. Задавая ей вопросы и не всегда получая ответ, Валерий предположил, что супруги жили каждый своей жизнью, хотя что-то все-таки удерживало их друг возле друга. Возможно, привычка, даже привязанность, но, скорее всего, устроенный быт, комфорт, теплая и уютная нора, куда каждый может возвратиться после пережитых страстей, чтобы прийти в себя, отдохнуть, а то и зализать раны, нанесенные кем-то другим, третьим.

Итак, супружеская пара Михаил Вершинин и Лариса, его жена. Как это ни странно, но похищенная, вернее, добытая незаконным путем женская щетка для волос из квартиры Вершининых сыграла довольно важную роль в сборе информации об этой паре. Следов Вершинина в квартире нет, не считая его крови на полу да смазанных отпечатков пальцев на ручке входной двери. А вот «пальчики» его супруги Ларисы повсюду: на посуде в кухне, в ванной комнате, в спальне... Создавалось такое впечатление, будто бы Лариса вообще там проживала, пользовалась зубной щеткой, касалась мыльницы, дверных косяков, чашек и рюмок, ручек буфета и сахарницы, некоторых предметов интимного характера, точнее, сексуального, которых было немало в спальне. Что она, такая чистая с виду женщина, могла делать в этой берлоге разврата и грязи? Только одно – встречаться там со своим любовником. Или любовниками. Может, это она снимала эту квартиру для встреч? Но тогда что помешало ей превратить эту квартиру в уютное чистое гнездышко?

Так рассуждал Седов поначалу, до того, как второй раз допросил хозяйку квартиры – Катю.

– Да, я сдавала квартиру, но не этому мужчине... – Лицо Екатерины Рыжовой, белое в тот момент, когда она увидела распростертое на полу тело мужчины, порозовело, она часто задышала. Все, кто видел ее в этот момент, подумали, что ей стало плохо, что еще немного и она лишится чувств. Алик Гарин даже потянулся к своему чемоданчику за нашатырем.

– А кому? – Седов вывел ее из комнаты в кухню, усадил за стол. Со стороны могло показаться, что это он хозяин, а не наоборот, настолько неуверенно она себя вела в собственной квартире.

– Его зовут Иван, фамилию не знаю.

Она сидела напротив Валерия и хлопала густо накрашенными ресницами. Ярко-оранжевая помада на губах была слегка размазана. Большие черные глаза смотрели испуганно.

– Я правда не знаю, я паспорт не смотрела. Он показался мне таким серьезным человеком, солидным. Денег вперед дал за полгода. С чего бы мне интересоваться его фамилией? Вы же понимаете меня?

– Как вы с ним связываетесь?

– Он просто переводит мне деньги на карточку, вот и все. Хотя... Пойдите! Я вспомнила! Его фамилия Халин.

– Вы все-таки видели его паспорт?

– Нет, конечно. Просто однажды, когда я пришла сюда, мне нужно было взять кое-что с антресолей, я увидела на зеркале... Ох... зеркала-то нет...

Она приподнялась со стула, чтобы выглянуть в прихожую и проверить, не ошиблась ли она. – А куда оно делось-то?

– Так что вы увидели на зеркале?

– Надпись! Кто-то написал красной помадой: «Ваня Халин – дурак!».

– И как вы думаете, кто это мог быть?

– Да откуда ж мне знать? – фыркнула она, отворачиваясь от Седова. – Женщина, кто ж еще!

– И вы запомнили такую сложную фамилию?

– Так я же сфотографировала ее.

– Зачем?

– Чтобы показать Миле, – густо покраснела Катя. – Подружке своей. Просто так. Потому и запомнила.

– А у вас сохранилось это фото?

– Думаю, да. В гугл-фото. Могу найти.

– Пожалуйста. И как давно это было?

– Примерно с неделю тому назад.

– А что вам показалось интересным в этой надписи?

– Честно?

Тут она усмехнулась, проворно достала из кармашка своего платья маленькую пачку сигарет, зажигалку и закурила.

– Здесь хоть какая-то движуха. Какие-то отношения. Чувства. Любовь. Ненависть...

– Ненависть? – перебил он ее. – С чего вы взяли?

– Так *его* же убили!

– В смысле? Кого?

– Как кого? Мужика этого... Думаете, он здесь оказался случайно? Уж точно связан как-то со всеми теми, кто бывал здесь, в этой квартире.

– Вы так спокойно говорите об этом, словно вам что-то известно.

– Вы такой странный... – Она снова усмехнулась, затянулась дымом и выпустила его куда-то в сторону, чтобы подальше от Седова. – Мужчины снимают квартиры для встреч с женщинами. Ведут параллельную жизнь. Уж так они устроены. Вот и Ваня этот...

– Так у вас есть какие-то предположения, кем этот человек, я имею в виду жертва, мог приходиться Халину?

– Уверена, что они никак не могли поделить женщину. Вы так смотрите на меня, словно я сморозила какую-то глупость.

Седов не нашелся, что ей ответить. Она была права. Даже среди знакомых Седова было немало мужчин, его коллег или друзей, которые снимали квартиры для свиданий. И не всегда это делалось ради какой-то одной женщины.

– Вы, Катя, сказали все это... о мужчинах, потому что разозлились на своего квартиранта?

– Ну да! – Она нервно дернулась и запустила пальцы в густую рыжую шевелюру, в другой руке у нее по-прежнему дымилась сигарета. – Зачем, вот скажите мне на милость, все это?! (Она обвела рукой вокруг себя). Не хватало еще и меня приплести ко всему этому...

– Вы не могли бы хоть как-то охарактеризовать вашего квартиранта?

– Нет. Обычный человек. Не знаю, чем занимается. Женат или нет. Хотя, скорее всего, женат.

Она на самом деле, похоже, не знала ничего о своем квартиранте. И если сначала, едва переступив порог квартиры, выглядела испуганной: все-таки в ее квартире произошло убийство, то потом просто откровенно злилась на квартиранта, поэтому ее скупые характеристики относительно него были окрашены во все скверные тона неприязни.

– Скажите, Катя, вы когда-нибудь видели здесь женщин? Ну, может, вот так пришли неожиданно, а в квартире ваш квартирант не один...

– Я что-то не пойму никак, на что вы намекаете. Вы думаете, что Ваня открыл бы мне, если бы был в квартире не один? С какой стати? Я же сказала вам, что деньги он мне присылает на карту, у нас как бы нет причин видаться лично, и я уважительно отношусь к тайне его личной жизни...

Она приготовилась уже выдать Седову очередную чуть ли уже не обвинительную тираду, как он остановил ее:

– Но вы же видели зеркало с надписью губной помадой. Значит, вошли сюда самостоятельно, пользуясь собственными ключами, так? Катя, пожалуйста, не отпирайтесь. Вы что, думаете, что мне интересно копаться в вашей жизни? Поверьте, мне от вас нужно только одно – узнать как можно больше информации о вашем квартиранте и обитателях этой квартиры, то есть о его любовнице или любовниках. Вы же сами понимаете, что это убийство может быть как-то связано с ними.

– Вы – полиция, вот и ищите убийцу, – она вдруг потеряла всякий интерес к разговору, окончательно расслабилась, успокоилась и захлопнулась, как раковина-беззубка.

– Хорошо, мы так и поступим, – вздохнул Седов, почувствовавший вдруг сильную усталость и готовый вот прямо сейчас, когда за посетительницей захлопнется дверь, прилечь на кожаном диване в кабинете и поспать. – Рассмотрим вторую версию.

– В смысле? – напряглась она.

– Судите сами: убийство произошло в вашей квартире, и вы только что подтвердили, что у вас есть ключи и вы можете свободно в отсутствие Ивана Халина войти туда. Получается, что к убийству может быть причастен как Иван, так и вы, гражданка Рыжова.

– Но я не убивала его! – вдруг воскликнула она со слезами на глазах. – Я и видела-то его всего один раз!

– Кого? – Седов очнулся, желание спать пропало. Он словно проснулся от колокольного звона, а то и от набата. – Вершинина?

– Его звали Михаилом, больше я о нем ничего не знаю. Разве только то, что он большая сволочь!

...

– И что, ты задержал ее? – спросила Саша, ставя перед Седовым тарелку с супом с фрикадельками. – Вот так запросто подловил ее, и она, говоря вашим языком, раскололась?

Он после допроса подозреваемой в убийстве Рыжовой вернулся домой поздно ночью и был удивлен тем, с какой нежностью и любовью встретила его жена. Ни слова упрека, ни лишнего вопроса, ничего – только забота и желание доставить ему удовольствие. Она ведь и суп ему приготовила его любимый. И глядя на него, улыбалась, то и дело наклонялась к нему, стараясь лишний раз прикоснуться, поцеловать, приобнять. Они не виделись всего лишь сутки, а Саша за это время словно помолодела.

– Ты сегодня какая-то не такая... – Он поймал ее, схватил за руку и усадил к себе на колени. – И пахнешь, как апельсин, и сияешь... Разрумянилась, а волосы... Что ты сделала со своими волосами? Покрыла их золотом?

– Покрасила, – сказала она, краснея. – Нравится?

– Очень. Ты помолодела, в тебе появилось что-то такое... Не знаю, как и сказать. Может, я что-то пропустил? Может, у нас праздник и ты приготовилась по этому поводу, а я забыл?

– Нет, Валера. Просто у меня приняли мои эскизы, и уже с завтрашнего дня я начинаю работать.

– Не понял... А Маша? Ты нашла няню и мне ничего не сказала? – От этой мысли он даже есть расхотел и отодвинул от себя тарелку.

– Нет-нет, она не няня... Это мама моего заказчика, Ольга Дмитриевна. Она сказала, что присмотрит за Машенькой. У нее внук примерно такого же возраста, и она нянчится с ним, заодно побудет с Машей. Я договорилась.

– И кто такая эта Ольга Дмитриевна? Можно поподробнее?

– Она – потрясающая женщина! Вот посмотришь на нее и ни за что не дашь ей ее возраст...

И Саша, забывшись, принялась рассказывать ему о своей новой знакомой, которой, оказывается, можно доверять, как самой себе. Она так долго и в подробностях рассказывала ему об этой даме, что он даже как-то успокоился. Что ж, если женщина серьезная, может, ей действительно можно доверить дочку?

– Ты можешь почитать о ней в интернете, – продолжала заливаться Саша, ухаживая за ним, подкладывая жаркое и подливая коньяк. – Она – владелица клининговой компании, кроме этого у нее несколько магазинов итальянской одежды и бижутерии.

– Так ты будешь работать в ее доме? Расписывать стены?

– Нет, в доме ее сына. Он тоже бизнесмен, и его никогда не бывает дома. Да и дом-то его какой-то весь белый, бездушный, словно необитаемый, – захлебываясь эмоциями, рассказывала Саша. – Вот мне и поручили вдохнуть в него жизнь, понимаешь! Дом – как чистый лист бумаги! Ты представляешь, какое поле деятельности! Как я могу там развернуться! Тебе чай с лимоном?

И только уже перед самым сном, когда Валерий прилег на диване в гостиной, сморенный обильным ужином и коньяком, Саша, завершив все свои дела на кухне и сняв фартук, присела к нему и спросила, как продвигается дело Вершинина.

– Я же тебе говорил, что оно обещает быть сложным, – вздохнул он. – Представляешь, сначала хозяйка квартиры, увидев труп, сказала, что не знает этого человека. Она и вела-то себя относительно спокойно, как человек, который на самом деле ни в чем не виноват. Я и хотел-то от нее одного – побольше узнать о квартиранте, его зовут Иван Халин. Но она вдруг начала мне дерзить, как-то странно и очень уж смело себя повела, мол, вы полиция, вот и занимайтесь, ищите убийцу. Ну, тогда я и сказал, что следствие подозревает не только Халина, но и ее саму, хозяйку квартиры. И тогда она вдруг призналась мне, причем совершенно неожиданно, что знакома с Вершининым...

Седов рассказывал жене о своих делах, о Рыжовой, а сам смотрел на нее и чувствовал, как она почему-то отдаляется от него. Вроде бы совсем рядом, вот она, сидит на диване, и его рука обнимает ее за талию, и она такая красивая, милая, вроде бы полностью принадлежит ему и все делает для него, а за стеной спит маленькая Маша, но что же тогда так напрягает? Что? Неужели он постепенно превратился в собственника, которому важно, чтобы его жена сидела дома (какое хрестоматийное понятие!) и не работала? Чтобы никто из мужчин не мог ею любоваться так, как он. Чтобы никто не видел ее каштановых кудрей, нежной матовой кожи, блестящих сияющих глаз, сочных губ... Но когда, когда он сам-то обратил внимание на нее? Что в ней изменилось, когда она превратилась в прежнюю, юную Сашу? Ведь еще пару дней тому назад она была другая, домашняя, пропахшая запахом молока, слегка растрепанная, во фланелевых штанах и футболке, а сейчас на ней какая-то длинная зеленая юбка, белая три-

котажная блузка с большим декольте... Одежда домашняя, но в то же самое время какая-то кокетливая, яркая, привлекающая внимание.

– ...получается, что эта твоя Рыжова была любовницей Вершинина и его убили в квартире, которую она сдавала Ивану Халину?

– Да. – Он улыбнулся, еще не понимая, искренне ли Саша интересуется этим делом или расспрашивает его из вежливости. Хотя разве Саша вообще когда-либо была с ним не искренна?

– Странно...

– Что странно?

– Да все! Зачем ей было признаваться в том, что она была любовницей Вершинина? Ведь она могла бы промолчать! А так... ты задержал ее?

– Пока нет.

– Значит, отпустил все-таки, да? Подписка о невыезде?

Он рассмеялся. Так странно было слышать от Саши эти слова.

– Да. Задержал ее, чтобы взять отпечатки пальцев, а потом отпустил, конечно.

– Но ты мог бы представить ее в роли убийцы?

– Мог. Убийцы подчас выглядят такими беззащитными, хрупкими и нежными...

– Ты так смотришь на меня... Думаешь, я способна была бы на убийство?

– Не знаю... Никто не знает. Это очень сложный вопрос. Саша, ты счастлива? – спросил он и сразу же смутился. Он никогда еще не задавал ей таких вопросов. Все эти разговоры о любви и счастье он считал пустыми, подброшенными в воздух затасканными словами, поскольку любовь должна была, по его мнению, проявляться чувствами и действиями, а счастье – просто сиять в глазах. Вот как у Саши сейчас.

– Очень, – сказала она. – А ты?

Вместо ответа он привлек ее к себе и обнял.

7

Лера

– Ты почему постоянно прикрываешь рот рукой?

– Я же тебе с самого начала сказала, что не могу встретиться с тобой, потому что у меня проблема с зубами. Но ты настоял, теперь мы с тобой здесь, и я просто не знаю, как себя вести.

Разговор происходил в ресторане, в маленькой кабинке, отгороженной бархатными, винного цвета портьерами. За столиком сидели двое: Лера Самсонова, зрелая ухоженная блондинка в черном вечернем платье, и ее молодой любовник Макс, белобрысый парень с крепкими белыми зубами и мощной челюстью.

Она на самом деле не знала, как ей себя с ним вести. Не приди она на свидание – он может обидеться. Объяснять по телефону, что у нее проблемы со здоровьем, означало напомнить ему о большой разнице в возрасте между ними. А рассказать ему правду – он просто посмеется над ней.

Он молодой, грубый и глупый. И ничего уже тут не поделаешь. Высокий, видный, красивый и очень сексуальный Макс привносил в жизнь Леры столько эстетического и физического наслаждения, что отсутствие у него мозгов ему прощалось. Успешный риелтор, хозяйка небольшой конторы по продаже недвижимости, Лера, несколько лет тому назад обустроив свой быт и купив роскошный красно-белый «Ситроен», теперь все свои лишние деньги тратила на удовольствия, в число которых входил и Макс.

– Пару дней мы не будем с тобой встречаться, – волнуясь, проговорила Лера, продолжая прикрывать пальцами губы. Она уже сто раз пожалела, что согласилась встретиться с Максом. Почему-то именно сейчас, когда она чувствовала себя уязвимой, травмированной, когда ей захотелось от молодого любовника не секса, а нормального человеческого сочувствия, нежности и заботы, он, вероятно, не способный на такие чувства, вдруг вызвал в ней отвращение. Он сидел перед ней, расправляясь с огромным куском жареного мяса, разрывая его своими белыми зубами-имплантами, подаренными ему, возможно, прежней любовницей, и ей показалось, что он, бросая на нее насмешливые взгляды, как-то нехорошо улыбается, смеется над ней. Над ее возрастом (хотя ей всего-то 42 года), над ее любовью к нему, привязанностью и желанием принадлежать ему.

Внезапно она чихнула, да так неловко, открыв некрасиво рот и издав громкий, похожий на резкий крик звук, схватила рукой, той самой, что прикрывала губы, салфетку, и тут Макс, увидев черную дыру между ее двумя передними резцами, от удивления открыл рот, и кусок мяса, который он жевал, упал к нему на тарелку, прямо в вырезанную из помидора розу. В другой ситуации Лера бы расхохоталась, но только не сейчас, когда он, увидев ее без зуба, произнес, растягивая гласные, мерзкое матерное слово – долгое и отвратительное, как повисший в воздухе плевок. У этого распространенного в просторечье матерного слова много значений и эмоциональных оттенков, его произносят зачастую просто как грязноватую связку между словами. На этот раз оно выражало одновременно досаду и насмешку.

Лера почувствовала, как покраснела, ее бросило в жар, она схватила еще одну салфетку и прикрыла ею весь свой рот, после чего вскочила из-за стола, открыла сумочку, достала деньги, швырнула их на стол и, бросив на ходу: «Исчезни из моей жизни!», быстрым шагом направилась к выходу. Ее корежило от рыданий, горло сдавило, плечи сжались, а челюсти свело, словно судорогой. Обида, копившаяся все эти месяцы общения с Максом, просто парализовала ее, когда она поняла, что мужчина, к которому она относилась с такой нежностью и заботой, на которого тратила так много денег, выполняя все его желания, совсем не видит в ней человека. Мало того, что он сейчас глумился над ее беззубостью, он даже не спросил, как это

могло произойти, что она потеряла зуб. Хотя, конечно, вряд ли ему в голову могло прийти, что это случилось не по вине стоматолога, который недостаточно хорошо вправил ей имплант, а в результате нападения на нее... Кто знает, расскажи она ему правду, может, он посмеялся бы над ней с еще большей степенью цинизма.

Какое счастье, что она не сделала ни одного глотка шампанского и ей не придется вызывать такси, а утром возвращаться на эту парковку за своим автомобилем!

Лера села в машину, завела ее, но тут же выключила, обняла руль и разрыдалась уже страшно, закатываясь, захлебываясь в слезах. И только немного успокоившись, смогла взять себя в руки и завести мотор. Как ни странно, но она почувствовала облегчение. Все, Макса она послала куда подальше. Теперь она сможет наконец спокойно пожить, не напрягаясь. Просто расслабиться, ходить по дому в пижаме, без макияжа или с маской на лице или волосах, есть то, что ей нравится, смотреть фильмы, которые ей нравятся, и просто наслаждаться тишиной в доме. И чистотой, кстати. Хотя Макс и не жил у нее, но часто бывал и ночевал, с его присутствием в квартире нарушался привычный порядок вещей, появлялось много мусора, посторонних неприятных запахов, исходящих от переполненных пепельниц, туалета, носков (которые сам Макс называл «сырками»), соленой рыбы... А заплеванная раковина! И грязные потеки в ванне? А россыпь черных волосков на итальянской кружевной скатерти, над которой неряха Макс подстригал свои усики?!

Лера была уже рада поскорее вернуться в свою квартиру, некогда оскверненную появлением этого отвратительного Макса, и чуть ли не извиниться перед ней за всю ту грязь, что он принес своим появлением. Но больше всего хотелось, конечно, расположиться на диване, укрыться пледом, включить телевизор и просто отдохнуть, расслабиться.

Она приняла душ, надела халат и хотела уже было прилечь, как раздался звонок в дверь. Она вздрогнула, словно ее кто-то толкнул. Неужели это Макс пришел извиняться? До него дошло, предположила она с горечью, что захлопнулась кормушка, что теперь, пока он не найдет очередную богатую дуру, некому будет оплачивать съемную квартиру, все его расходы – бензин, сигареты, одежду, рестораны, алкоголь... Нет-нет, она не откроет ему, пусть хоть до утра трезвонит в дверь.

И действительно, звонки продолжались. Ну, конечно, он же видел, что она дома, в окнах горит свет.

Звонки были громкие, нервные, Лера на цыпочках подошла к двери и заглянула в глазок. Это не Макс! А совершенно другой мужчина!

– Кто вы? – спросила она в паузе между звонками.

– Валерия Семеновна Самсонова?

– Да, это я.

– Моя фамилия Седов. Я следователь следственного комитета, – в глазке появилось какое-то удостоверение, которое она, конечно же, не могла разглядеть. – Откройте, пожалуйста.

– А что случилось?

Но на этот раз он ей ничего не ответил. Лера открыла. Мужчина снова показал ей удостоверение, она внимательно прочла фамилию следователя. Седов Валерий Николаевич.

– Так что случилось-то? Что-то с Максом? Натворил чего?

– Вы позволите пройти?

– Да, извините... Проходите, пожалуйста. Просто не каждый же день на моем пороге появляется следователь. Сразу скажу, я с ним рассталась. Буквально сегодня, пару часов назад. Так что, что бы он ни натворил, я не сделаю ничего, чтобы ему помочь. Вот так. Ни копейки не дам, чтобы его не сажали в камеру. Так что он сделал? Что-нибудь разбил в ресторане?

Произнеся это, она вдруг поняла, что сморозила полную глупость. Во-первых, она действительно только что рассталась с Максом, а потому вряд ли за это время он успел сделать что-то такое, чем заинтересовался бы следователь следственного комитета. Возможно, Макс совершил что-то противозаконное раньше и вот только теперь вышли на нее, Леру, его подружку. За те пару минут, что они рассаживались со следователем в гостиной, она успела прокрутить в голове несколько версий, что мог бы натворить трусливый Макс, чтобы его разыскивали. Обобрал женщину? Украл что-то ценное? Занял денег и не вернул?

– Валерия Семеновна, кто-нибудь, кроме вас, пользуется автомобилем «Ситроен», номерной знак...

Лера вскочила и бросилась к окну – новенький красно-белый «Ситроен» стоял прямо напротив подъезда. Слава тебе, господи, его не украли!

Она вернулась на свое место, пока еще не понимая, как может визит следователя быть связан с ее машиной.

– Нет, никто не пользуется, я не давала ему, и он не ездил. Я сама купила ему «Тойоту», не новую, конечно, ей всего пять лет... Так что нет, на «Ситроене» езжу только я сама. А в чем дело-то?

– Это вы вчера приезжали утром на улицу Руставели, дом номер...

– Ну да, была я там вчера. У меня встреча с клиенткой была, а что?

– В какой квартире?

– Номер девять. А что?

– Вы можете назвать фамилию вашей клиентки?

– Могу. Вот только блокнот открою. Подождите минутку.

Она вернулась с блокнотом, принялась его листать. Она никак не могла понять цель визита следователя. А потому начала уже напрягаться – он еще ни слова не сказал о Максе! И при чем здесь ее машина?

– Вот, видите запись? «Мария Михайловна». Фамилию она мне не назвала. Сказала, что хотела бы купить квартиру, но прийти ко мне в офис не может, потому что у нее распухло лицо, она сказала еще на эмоциях, что посадит мужа за побои... Еще говорила что-то про развод. Она плакала, говорила, что ей нужно поскорее съехать с Руставели, потому что она боится, что в один прекрасный день ее убьют... Я ее спросила еще, как она собирается покупать квартиру, будет ли брать ипотеку, на что она ответила мне, что деньги ей дадут родители, что они ненавидят ее мужа и будут только рады, если она с ним разведется. Вот такая история. А-а-а-а...

Она вдруг закрыла рот рукой. Но теперь уже ее жест был совершенно другой, не такой, как при Максе, когда она просто прикрывала черную дыру между зубами, а вызванный мыслью о предполагаемой трагедии, как если бы она подсознательно приглушила готовый вырваться «ах!» по поводу несчастного случая или не дай бог смерти несостоявшейся клиентки.

– Так он ее все-таки... того? Убил?

– Кто? Кого? – Следователь сощурил глаза и теперь смотрел на нее пристально, прожигая взглядом.

– Ну, эту, Марию Михайловну... Хотя, скорее всего, это я просто не так поняла, это не отчество, а, скорее, фамилия Михайлова, девчонка-то была совсем молодая, если судить по голосу. Мария Михайлова. Это ее убили? Да?

Следователь сделал пометки в своем блокноте.

– Значит, вы приезжали на улицу Руставели, чтобы встретиться с гражданкой Марией Михайловой, чтобы помочь ей купить квартиру, так?

– Да, так.

– И сколько по времени вы у нее пробывали?

– Да нисколько! Она не открыла мне, хотя я звонила достаточно долго. Я тогда еще разозлилась на нее, а сейчас вот понимаю, почему она так и не открыла. Бедняжка, она тогда ведь могла быть еще живая... Если бы я догадалась и просто взялась бы за ручку, вдруг бы дверь оказалась открыта, и я могла бы ей помочь...

– Вы знакомы с Михаилом Вершининым?

– Вершининым? Подождите, дайте подумать... Фамилия знакомая, но вот так сейчас вспомнить не могу... Не знаю... А что? Это фамилия ее мужа?

– Вот, взгляните, – и следователь протянул ей фотографию, на которой было изображено лицо мужчины с закрытыми глазами.

Лера почувствовала, как комната ее поплыла – вместе с итальянской витриной, набитой фарфором и хрусталем, книжным шкафом и симпатичным следователем...

8

Седов. Саша

Она так и не поняла, когда именно почувствовала вкус свободы, той самой физической свободы, которой ей так не хватало последнее время. Но уж точно не в тот день, когда она купила самокат. Нет. В первый день она вообще стеснялась кататься на нем. Смущалась, видя, как на нее глазят люди, словно впервые в жизни видят самокат! Но потом все изменилось. Вернее, это она сделала все, чтобы это случилось. Она решила измениться сама. И все это – благодаря Ольге Дмитриевне. «Будь дерзкой, смелой, не дай позволить чужому мнению как-то повлиять на твою жизнь. К тому же жизнь настолько коротка...» Она не очень-то напирала, навязывая свое мнение (кстати, тоже мнение!). Другое дело, что, слушая эту интересную зрелую женщину, Саша внутренне раскрепощалась и чувствовала приближение какого-то смутного счастья.

Это Ольга Дмитриевна посоветовала ей покрасить волосы в рыжий цвет и носить их распущенными или же просто стягивать в конский хвост. Как девчонка. Остальное же придумала сама Саша. Купила цветной, зеленый в бордовый цветочек, мягкий вельвет и сшила себе уютную юбку в густую складку, купила зеленую, с широким вырезом трикотажную блузку, удобные, мягкой кожи мокасины, такого же оттенка большую сумку с длинным ремнем, в которую можно много чего поместить и которую к тому же комфортно носить на плече. Увидев себя в зеркале, она поразилась тому, как изменилась внешне, сняв с себя домашние штаны или халат, просторную тунику или широкое домашнее платье. Она прямо на глазах превращалась в ту, прежнюю Сашу, с которой всегда жила в гармонии и которую любила. Причем это не мешало ей получать наслаждение от материнства, только воспринимала она теперь это свое состояние как-то более осознанно.

Ну и конечно, она считала, что ей крупно повезло, что за Машенькой будет присматривать Ольга Дмитриевна! Не какая-то там чужая тетка или молоденькая девушка, а, по сути, свой человек. Вот и Валера успокоился как будто бы, узнав, кто будет пусть временной, но все же няней.

Она понимала, что Валера очень далек от искусства и что ему просто от природы не дано понять желание некоторых людей жить и дышать искусством, получать наслаждение от красоты. Вероятно, он так и не понял, что заставляет состоятельную, солидную даму нянчиться с чужим ребенком. Да и мало кто вообще мог бы это понять. А ведь ею движет исключительно желание увидеть дом своего сына красивым, неповторимым! Конечно, все это происходит не просто так, и далеко не каждому художнику-дизайнеру Ольга Дмитриевна так бы доверилась и выразила бы готовность помочь с ребенком.

Саша была уверена, что, не покажи она ей, случайной прохожей, внук которой играл на одной детской площадке с Манечкой, портфолио с рисунками и фотографиями уже выполненных работ, ничего бы не было. Никакого проекта, никакой дружбы. Получается, что Ольга Дмитриевна оценила ее талант и доверила ей дом сына. И это знание придавало ей сил.

...Она вздрогнула, услышав звук открываемой двери. В пустом огромном доме все звуки имеют продолжительное колокольное эхо.

– Саша? – услышала она голос где-то за белой аркой большого холла и увидела Игоря. Удивилась его присутствию, поскольку он, по ее представлению о распорядке дня занятого человека, должен был быть на работе.

– Да, доброе утро, Игорь.

– Что же вы не позвонили мне, я бы организовал машину! Или вы на своем собственном транспорте? – Он с каким-то восхищением взглянул на прислоненный к стене самокат.

– Ох, нет, конечно, – смутилась она, словно ее застали за чем-то запретным, стыдным. – Я сначала на метро, потом на электричке, а между ними, вот, на самокате. Решила молодость вспомнить...

– Молодость? Скажите лучше – детство, – он улыбнулся ей так... аж до мурашек.

Какая же у него белая кожа, впалые щеки, выразительные губы и темные, почти черные глаза! И смотрят они так, что она теряется.

– Я вчера вечером еще раз просмотрел фотографии ваших работ. Они восхитительны. И я рад, что именно вы, Саша, займетесь тем, что вдохнете жизнь в этот почти мертвый дом.

– Ох, ну и слово вы подобрали для вашего дома... Он просто новый, чистый и белый, как лист бумаги. И, знаете, это очень хорошо. Здесь такой простор для фантазии! Я тут набросала примерное расположение росписи, даже прикинула, куда и какую мебель можно было бы поставить, но мне все-таки хочется немного побыть здесь, в этих стенах, чтобы получше понять сам дом. Он же как живой организм. Хочется, чтобы и он меня принял и захотел, чтобы я поделилась с ним своей энергией.

Саша стояла в солнечном столбе вся такая яркая, живописная, как статуэтка. Волосы ее, распущенные по плечам, горели золотом, стройная фигурка, задрапированная мягкой пестрой тканью в зеленых тонах, могла бы принадлежать лесной фее. Такой увидел ее Игорь и залюбовался ею.

Саша, поймав его взгляд, смутилась еще больше, забила куда-то в угол просторной комнаты, просто не зная, что еще сказать. Она вообще не понимала, зачем он здесь, как, почему?

– Как поживает Ольга Дмитриевна?

– Да что ей сделается, – он снова улыбнулся ей. – Все в порядке. Главное, чтобы с Леной было все хорошо.

– Леной? Ах, да, это ее дочь... Я сначала подумала, что вы говорите о вашей жене, – сказала она и тут же пожалела о том, что так грубо, по сути, спросила его, женат он или нет. А так хотелось, чтобы он был все-таки не женат.

– У меня нет жены, – и снова эта улыбка, этот прожигающий ее насквозь взгляд.

– А почему вы сказали, что главное, чтобы с Леной было все хорошо? – Она уже не соображала, о чем говорила. Главным было заполнить паузы, тишину.

– Она часто болеет, вот мы и переживаем.

– Понятно... Вернее, я хотела сказать, что сожалею... Уф... Совсем запуталась. Игорь, когда я смотрю на вас, то теряюсь... Не знаю почему...

В другой ситуации, быть может, в присутствии Ольги Дмитриевны или в каком-то общественном месте она никогда не позволила бы себе такую откровенность и вольность. Такую правду, наконец. А здесь, в пустом доме, открытом к переменам, казалось, что можно позволить себе все.

– Я тоже теряюсь, – он подошел к ней. Такой высокий, показавшийся ей просто огромным, или же она сама уменьшилась в размерах рядом с ним. – Думаю, это потому, что вы очень красивая, Саша. Просто какое-то произведение искусства. Из Лувра.

– Почему из Лувра?

– Не знаю. Такое изящество, красота! Вы бывали в Лувре?

– Да, но очень давно...

– Хотели бы побывать там еще раз?

– Если честно, то мне больше понравился музей Орсе... Моне, Мане, Сезанн, Писсаро... По моему мнению, импрессионисты, которых я очень люблю, лучше всего представлены именно там.

– Не хотите отправиться туда прямо сейчас?

– В смысле? – нервно хохотнула она. – Это как? Интернет-экскурсия?

– Нет, вполне реальная поездка, точнее, полет в Париж!

– Вы шутите...

– Конечно, поход в музей – это действительно из области фантастики хотя бы по времени, которого у нас нет, но вот выпить кофе в каком-нибудь парижском кафе – вполне реально.

Она смотрела на него, все никак не в силах взять в толк, шутит он или нет. У них, у богатых, свои причуды. Однако от фразы «времени, которого у нас нет» повеяло самым настоящим теплом.

– Самолет? – догадалась она. – Вы предлагаете мне отправиться в Париж на своем самолете?

Она предположила это, исходя из его желания сделать это путешествие реальным, а потому самым приемлемым, опять же, по времени вариантом был собственный самолет. Все-таки регулярные рейсы – их надо еще просчитать, организовать, купить билеты. Хотя на самом деле вариант с собственным самолетом был куда более фантастический. Но об этом она даже и подумать не успела, поскольку услышала:

– Ну да. Так как? Вы согласны отправиться в Париж прямо сейчас?

Саше показалось, что в комнате, нежилой и белой, которая должна была еще пахнуть штукатуркой, потянуло ароматом кофе... Или же это был запах свободы? Отправиться в Париж на самолете – это тебе, Саша, не прогулка на самокате!

– Но Париж далеко... Успею ли я вернуться домой вечером? Все-таки у меня муж...

Она могла бы сказать «успеем ли мы», но не рискнула. Хотя, сказав про мужа, сразу пожалела, поскольку это лишило весь разговор романтики.

– Вечер – понятие растяжимое. Могу лишь сказать, что вы вернетесь сегодня, – и он снова улыбнулся ей, лукаво и как-то по-детски, словно он мальчишка и предлагает своей подружке прокатиться на велосипеде за город, искупаться, скажем, в озере.

– Ох, нет, пожалуй, я откажусь, – как-то неожиданно протрезвела она, успевшая опьянеть от его общества и разговора.

– Я жду вас в машине, – сказал он непринужденно, словно она дала ему положительный ответ.

Саша, подхватив свой рюкзачок, как загипнотизированная, отправилась за ним следом.

9

Катя

– Расскажите о том, Катя, что случилось с вами в две тысячи семнадцатом году. Вы знаете, о чем я говорю. Вернее, о ком.

Она так для себя и не определила, что лучше – разговаривать в кабинете следователя, вот как сейчас, или у нее дома. Пожалуй, лучше здесь, в этом казенном месте, где стены слышали и не такие истории. Где, возможно, рушились судьбы, где уж точно пахло смертью, убийствами и тюрьмой.

Конечно, он хотел узнать, кто были эти трое. Вот только зачем? Какое это имеет отношение к тому делу, которым он занимается сейчас? И вообще, как он все пронюхал?

Катя вся сжалась, сдвинула колени, напрягла бедра и почувствовала, как каменеют ее плечи – вот так ее тело отреагировало на воспоминание.

– Но я не понимаю, как все это может быть связано с этим человеком, которого убили. Это мой случай. Моя история. Зачем вы пытаетесь все это связать?

– Понимаете, Рыжова, вы сначала сказали нам, что незнакомы с убитым, потом признались, что видели его всего один раз, причем назвали его имя – Михаил, а заодно охарактеризовали его, как сволочь. В две тысячи семнадцатом году вы подверглись насилию, у нас есть свидетельские показания по этому делу вашей соседки, которая рассказала о том, как встретила вас в метро в тот вечер, когда вы добирались домой после того, как были изнасилованы. Насильников, если верить Миле, было трое. Одного из них звали Михаилом. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Да ничего! Он, этот Михаил, которого убили, вообще не имеет никакого отношения к тому случаю. Там был другой Михаил. Они и не похожи. А Мила... Блин, вот змея! Вообще никому нельзя верить! Поделилась, называется, с подружкой!

У нее было такое чувство, будто бы ее не просто, вернув в прошлое, окунули в грязь, но еще и толкают в пропасть. Мила, классная же баба! Зачем она рассказала следователю о той истории? Да еще и имя назвала! Там Михаил, здесь Михаил... «Вряд ли она, конечно, хочет, чтобы меня посадили, – размышляла Катя, – она просто дура, ляпнула, не подумав...»

– Но если он не имеет никакого отношения к той вашей истории с изнасилованием, тогда почему же вы в разговоре со мной назвали его сволочью? Что было между вами?

– Да ничего особенного! – в сердцах воскликнула она. – Познакомились на сайте знакомств, встретились, перепихнулись, вот и все! Больше он мне не звонил.

– Перепихнулись где? В вашей же квартире? Там, где он был убит?

– В машине, – прошептала она, уже глотая слезы. – Все было по-скотски. Поэтому и назвала его сволочью. Даже конфет не принес, не говоря уже о цветах. Урод. Таких на сайтах – тыщи!

– А почему тогда, в две тысячи семнадцатом, не обратились в полицию? Не заявили об изнасиловании?

– Станный вы какой-то... Мне же угрожали, мол, расскажешь кому, убьем. Это я всю оставшуюся жизнь тряслась бы от страха. Зачем? Уж лучше перетерпеть и забыть, чем постоянно оглядываться.

– Вы можете назвать мне сайт, на котором вы с ним познакомились?

– Да пожалуйста! – Катя достала из сумочки телефон, открыла сайт и показала экран Седову. – Вот, сами смотрите...

Следователь записал в блокнот.

– Вы сказали, что двадцать пятого сентября около десяти часов вы вышли из магазина, где работаете, чтобы сходить в аптеку и купить таблетки от головной боли. Но вас не было почти три часа, мы узнавали. Что вы делали и где вы были?

– Я расскажу, если вы пообещаете не сообщать моему руководству.

Седов пожал плечами. Как часто он выуживал тайны своих подследственных путем таких вот обещаний куда-то там что-то не сообщать. Чаще всего это было связано с супругами, которые что-то скрывали друг от друга. Сейчас же, подумалось ему, дело связано с магазином. Интересно.

– Хорошо. Но если это не повредит следствию. Вы же понимаете, я не стану с вами торговаться, если ваша информация может помочь нам выяснить правду.

– У меня была назначена встреча с одним человеком, который обещал мне продать партию «Монтале» по дешевке.

– Что такое «Монтале»?

– Это французские духи, очень дорогие. Я бы заменила дешевую подделку на дорогие, которые потом продала бы в своем интернет-магазине.

– Понятно.

– Да ничего вам непонятно...

– Так, Рыжова, пожалуйста, никуда не уезжайте из города. Мы вас еще вызовем.

Она фыркнула. Вот только этого в ее жизни и не хватало – допросов! Как будто бы она преступница какая!

Седов подписал ей пропуск, Катя вышла из кабинета, спустилась на улицу, глотнула свежего воздуха. Накапывал дождь. Она достала телефон, вызвала такси, затем раскрыла зонтик и вдруг почувствовала, как все внутри нее сжимается, как в горле распухает ком, а глаза наполняются слезами. Вот за что ей все это? Зачем забрались грязными ногами в ее прошлое? Мало того, что такие вещи не забываются и отравляют всю жизнь, и каждая женщина, прошедшая этот ад, никогда его не забудет, так ей еще и напоминают об этом позоре! Приплели Михаила, который вообще к этой истории никакого отношения не имеет! Вцепились в это имя – Михаил. Это что же получается? Теперь они решат, что это она, Катя, убийца, встретила с Михаилом на сайте, типа, вспомнила его и решила отомстить? Зарезала его! Да, вот только этого ей и не хватало!

Она, посмотревшись сериалов и фильмов, где зачастую работу следователей и полицейских представляют таким образом, что начинаешь их бояться в реальной жизни, вдруг по-настоящему испугалась результатов последнего допроса. Конечно, официально это был, конечно, не допрос, просто ей задавали вопросы. Но если они никого не найдут, то что им стоит повесить это убийство на нее?

Да, на самом деле у нее есть ключи от этой квартиры, она и не собиралась это скрывать, да и как скрыть, если она хозяйка! Ну да, она могла в любое время открыть дверь и войти туда. Предположим, этот Михаил собирался воспользоваться квартирой, ему Иван мог дать ключи, чтобы тот привел туда женщину. Иначе зачем ему туда вообще приходиться? И вот он пришел, и туда же по своим делам пришла хозяйка, то есть Катя, увидела Михаила, признала в нем того самого мужчину, который изнасиловал ее с друзьями, достала кухонный нож и всадила ему в живот или куда там еще... Хорошо еще, что ножа вроде не нашли, иначе могли бы обнаружить там отпечатки ее пальцев, и тогда бы она уж точно не отвертелась – она буквально недавно, войдя в квартиру, где временами обитал Иван, открыла холодильник, увидела там кусок ветчины и, поскольку была голодная, отрезала себе кусок, решив, что Иван все равно не заметит.

И хотя ножей на кухне несколько, все пользуются одним, самым острым – японским! Она сама заказывала его, причем по совету той же самой Милы – на японском сайте! Там и доставка-то была всего пять евро! И нож отличный, острый! Может, вернуться и рассказать

Седову про этот нож? Может, это спасет ее? Она же поможет следствию! Хотя, как реально это можно сделать? Прийти в квартиру и проверить, какого ножа нет. И, если выяснится, что японского, значит, им и убили Вершинина. Кажется, такая у него фамилия.

В такси она крепко задумалась. Если они найдут нож, а там окажутся ее отпечатки пальцев (и черт ее тогда дернул отрезать кусок ветчины!!!), то ее уж точно не оставят на свободе, поместят в СИЗО, а потом осудят и посадят в тюрьму.

Она попросила водителя такси отвезти ее на вокзал.

10

Ваня

Наверное, я полная дура, раз жалею Ваню. Мне бы сдать его с потрохами – и все! Он в тюрьме, а я – свободная, богатая и довольно молодая еще!

– Я рада, что ты вернулся...

Вот так брякнула я с порога, и его аж передернуло.

– Ты что, надеялась, что меня посадят? Вот так, за здорово живешь?

Я не знала, что и сказать. Просто была рада, что его не задержали, не посадили, пока идет следствие, в СИЗО. Все-таки убит муж любовницы! Кого еще подозревать, как не любовника? Насмотрелась сериалов, уж немного-то да разбираюсь, что да как там у них, в прокуратуре ли, следственном ли комитете, полиции ли. Нет, на самом деле я, конечно, ничего не понимаю во всем этом, но уж про СИЗО-то все знают.

– Ваня, да я просто рада, что ты пришел. Пойдем ужинать. Расскажешь мне, что да как. Если захочешь, конечно...

Он отправился с ванную, я слышала, как он моется. Он всегда, когда сильно нервничает, потеет и часто моется. Вот и тогда. Конечно, пропотеешь тут после допроса!

– Вот, гороховый суп с копчеными ребрышками, как ты любишь, – я поставила перед ним тарелку с горячим супом. – Хлеб. Ешь.

Я могла бы добавить, мол, давай, расскажи, что там было, как вообще дела, но не стала. Я же знаю своего мужа, если захочет – сам все расскажет. И вдруг услышала:

– Этого Вершинина убили в квартире, которую я снимал для нас с Ларисой.

– В смысле? – не сразу поняла я. С одной стороны, меня как обожгло это «нас с Ларисой», ну и факт, что он снимал целую квартиру для свиданий! Вот как бывает, когда твой муж хорошо зарабатывает и начинает считать, что ему все позволено. Хорошо еще, что не успел квартиру ей купить, а мог бы...

– Ты не врубаешься? Вершинина убили там, где он просто не мог быть! Это была тайная квартира. И получается, что он нас как бы выследил, предположим, позвонил в дверь, кто-то из нас открыл, он вошел, и я... Словом, я вроде бы главный подозреваемый. Во всяком случае, у меня как бы мотив, понимаешь? Хотя я сказал, что не знаю Вершинина и никогда его не видел... У меня взяли отпечатки пальцев.

– Да уж... И что? Что делать-то? Когда его точно убили?

– Я не знаю время, только день – двадцать пятое сентября, среда.

– И где ты был?

– Ездил по делам, встречался с заказчиками, но теоретически я мог оказаться в той квартире в любое время. К тому же встреча с одним из заказчиков у меня была в кафе, причем неподалеку от этого места, возле Театра Луны.

– Ваня, мне-то не темни! Ваша фирма занимается продажей редкого промышленного оборудования, а ты встречаешься с заказчиком в какой-то там кафешке!

– Послушай, в это хотя бы не лезь! Не твое это дело!

– Как же не мое, если ты мой муж и тебя могут посадить в любой момент?! Ты что, Ваня, совсем берега попутал?!

– Не каркай, прошу тебя!

– Ну, тогда объясни, что ты делал возле Театра Луны?

– Говорю же, встречался с заказчиком.

Я смотрела на него и ждала правды. И в это время у него, вероятно, произошла переоценка информации, которую он носил в себе. Он подумал, что лучше уж ему рассказать всю

правду о своей работе, чтобы заручиться моей поддержкой, чем изображать из себя секретного агента или вообще вруна.

– Схема такая. Завод изготавливает редкое и очень дорогое оборудование, и он же его продает. Но все начальство кушать хочет. Вот и пооткрывали дочерние фирмы от завода, чтобы через них прогонять оборудование, да по завышенной цене, и чтобы денежки текли прямо в карман. Теперь понятно?

Я пожала плечами. Слышала, конечно, о таких схемах, но в подробности точно не вдавалась.

– Одна из таких фирм как раз та, в которой я работаю. Время от времени мы закрываемся и открываем новую. Все, Вера, больше ни слова не скажу и так уже много лишнего наговорил. Просто объясняю тебе, чтобы ты поняла.

– Хочешь сказать, что и заказчик твой, с которым ты встречался, тоже посредник, а не основной покупатель?

– А ты молодец... – усмехнулся Ваня. – Да, именно. Человек просто имеет свой процент, и все!

– Но зачем крупным предприятиям, которым нужно ваше оборудование, связываться с производителями через вашу фирму, да еще и через посредника, когда они, имея деньги, могут действовать напрямую?

– Ты не о том должна сейчас думать, – вдруг сказал он таким тоном, точнее, змеиным злобным шипеньем, что я испугалась, как бы он не ударил меня. И хотя он никогда прежде этого не делал, но очень уж странным было выражение его лица. Он в тот момент меня просто ненавидел.

– А о чем я должна сейчас думать?

Да я вообще ни о чем тогда не думала, я представляла себе, что его, моего предателя-муженька, посадили, у меня воображение развито отлично. Успела увидеть его уже в тюремной камере, вот с таким же лицом, полным злобы и ненависти, и вдруг поняла в очередной раз, что настал момент, когда я могу с легкостью изменить свою жизнь. Избавиться от Вани и зажить своей жизнью! Чистой и спокойной. Где не надо притворяться, что ты любишь человека или даже просто хорошо к нему относишься. И все это ради денег. Чтобы кушать хорошую еду, жить в комфорте, ездить за границу отдыхать, да и вообще, ни в чем себе не отказывать! Да, конечно, находясь в тюрьме, Ваня не сможет зарабатывать, но у него и без того полно денег в банке, акции. К тому же у нас еще две квартиры, которые мы сдаем. Я смогла бы спокойно жить и не работать. И детям бы на учебу хватило, хотя Ваня отправляет им в Лондон, где они учатся, нехилые суммы.

– Просто скажи, что двадцать пятого сентября, в среду, я весь день провел дома. Работал с документами. Ну, как это часто бывает. Придумай, что я ремонтировал что-то, прибывал там полку или еще что...

– Да ты не нервничай, я скажу все, что надо. А сам-то ты что сказал следователю?

– Что был дома и работал с документами. Но для правдоподобности, говорю, придумай, чем бы еще я мог заниматься дома.

– Ты мог бы отремонтировать посудомоечную машину. Давай договоримся... – произнося это, я понимала, что толкаю мужа в тюремную камеру. – Мы же должны говорить одно и то же.

– Отлично. Все, договорились. Я ремонтировал посудомоечную машину.

– Когда тебе снова к следователю?

– Завтра к десяти.

– Странно... Ты же только что оттуда. Что могло измениться?

– Во время допроса или разговора, не знаю уже, как все это назвать... (Я поняла, что ему куда приятнее самому считать допрос разговором, так он сам себя хотел успокоить.) Так

вот, ему позвонил кто-то, Седов сорвался с места, лицо его было таким радостным, словно он выиграл миллион долларов, и буквально выбежал из кабинета. Очень скоро, буквально через пару минут, словно вспомнив обо мне, вернулся, подписал мой пропуск и отпустил меня. Сказал, что завтра к десяти утра к нему.

...

– Да, все правильно, мой муж весь тот день провел дома. Он часто остается дома, чтобы поработать с документами. Я уже привыкла. Конечно, хотелось бы, чтобы он, как все нормальные мужчины, работал где-нибудь подальше от дома, на работе, вы понимаете, что я хочу сказать, да? Ну невозможно видеть перед собой человека все двадцать четыре часа! Мне и прибраться нужно, и приготовить, или просто походить по магазинам или встретиться с подружкой, а он следит буквально за каждым моим шагом, заглядывает в пакеты, когда я откуда-то возвращаюсь, прямо как баба! Да еще чеки собирает, копит их, говорит, а вдруг купишь протухшую селедку, а у тебя чека нет, и ты тогда не сможешь вернуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.